

УДК 316.323.6

ЭРИК ОЛИН РАЙТ,

профессор факультета социологии Университета Висконсин-Мэдисон, президент Американской социологической ассоциации в 2011–2012 годах

Как быть антикапиталистом в XXI веке¹

Данная статья видного американского социолога-неомарксиста Эрика Олина Райта является одним из разделов новой книги, над которой сейчас работает автор. В ней описывается состояние капитализма в современном мире (как источника одновременно экономического роста и усугубления неравенства), дается типологический анализ антикапиталистических стратегий (свержение капитализма, укрощение капитализма, бегство от капитализма и разрушение капитализма изнутри), рассматриваются “реальные утопии” как способы практического создания более справедливых и гуманных альтернативных вариантов мироустройства (в форме уже существующих институтов либо предложений по созданию новых институтов посредством общественных преобразований и государственной политики).

Ключевые слова: *капитализм, антикапиталистические стратегии, реальные утопии*

Антикапиталистические идеи многим кажутся смешными. В конце концов, посмотрите, какое количество инновационных товаров и услуг появилось за последние годы благодаря капиталистическим предприятиям: смартфоны и цифровое телевидение; самоуправляемые автомобили и социальные медиа; гигантские экраны, транслирующие футбольные матчи; видеоигры, связывающие тысячи игроков по всему миру; любой потребительский товар, какой только можно представить, доступен в интернете и может быть доставлен на дом; поразительный рост продуктивности труда благодаря новейшим технологиям автоматизации и т. д. И пускай распределение доходов

¹ Перевод с английского сделан по публикации: *Wright E.O. How to be an Anti-capitalist for the 21st Century // Jacobin. — 2015. — Режим доступа: <https://www.jacobinmag.com/2015/12/erik-olin-wright-real-utopias-anticapitalism-democracy/>*

в рамках капиталистической экономики остается несправедливым, правда и то, что в последнее время практически повсеместно существенно расширился ассортимент товаров широкого потребления, которые — как физические, так и финансово — может позволить себе среднестатистический человек, даже бедный. Взгляните, как изменились США за последние пятьдесят лет, с 1965-го по 2015-й: процент американцев, у которых есть кондиционеры, автомобили, стиральные и посудомоечные машины, телевизоры и внутридомовая канализация, за прошедшие полстолетия существенно увеличилась. Показатели ожидаемой продолжительности жизни возросли, а детской смертности — упали. Этот список можно продолжать бесконечно. И сейчас, в XXI веке, повышение базовых стандартов качества жизни происходит даже в бедных странах: возьмем, к примеру, повышение материальных условий жизни граждан Китая после того, как эта страна перешла к рыночной экономике. Более того, посмотрите, что произошло, когда Россия и Китай попытались искать альтернативы капитализму! Даже если не брать во внимание политические репрессии и общую жестокость этих режимов в отношении граждан, остается фактом их полная экономическая несостоятельность. Получается, что если вы заботитесь о повышении качества жизни, вы не можете быть против капитализма? Это привычные всем доводы, но есть и другие.

Наиболее характерная черта капитализма — бедность в условиях изобилия. Это не единственный изъян капитализма, но именно это свойство капиталистической экономики — самая печальная ее неудача. Особенно достойно порицания существование такого явления, как детская бедность: дети, очевидно, не могут нести ответственность за несоответствие требованиям экономической системы, особенно в богатых обществах, которые запросто могли бы такую бедность искоренить. Да, имеют место экономический рост, технологические инновации, рост продуктивности и нисходящее распределение товаров широкого потребления, однако в условиях капитализма рука об руку с экономическим ростом идут обнищание тех, чьи средства к существованию были уничтожены развитием капитализма, отсутствие гарантий для тех, кто оказался на дне капиталистического рынка труда, а также отчуждение и утомительная работа для большинства. Капитализм массово увеличил продуктивность и привел к непомерному обогащению некоторых, однако многие все еще едва сводят концы с концами. Капитализм — это механизм усугубления неравенства, а не только экономического роста. Кроме того, все более очевидно, что капитализм, ведомый бесконечным поиском выгоды, разрушителен для окружающей среды. В любом случае, центральным вопросом должно быть не то, насколько в среднем улучшились материальные условия жизни за продолжительный отрезок времени в условиях капиталистической экономики, а то, насколько лучше жило бы большинство людей в альтернативных экономических условиях на конкретный исторический момент. Действительно, централизованные авторитарные и регулируемые государством экономические системы XX века — Россия и Китай — преимущественно показали себя как несостоятельные, но это не единственные доступные варианты.

Оба этих примера надежно учтены капиталистической реальностью. Отнюдь не ошибочно утверждение, что капитализм изменил материальные условия жизни в мире и разительно увеличил продуктивность человеческо-

го труда, и многие от этого выиграли. Но так же верно и то, что капитализм является источником многих бед и увековечивает необязательные формы человеческого страдания. В действительности все споры вокруг проблемы капитализма сводятся к одному фундаментальному вопросу: возможно ли получить продуктивность, инновации и динамизм капитализма, но без негативных последствий. Маргарет Тэтчер в начале 1980-х громко заявляла, что “альтернативы нет”. Через двадцать лет участники Всемирного социального форума (World Social Forum) постановили: “Мир может быть устроен иначе”.

В этой статье я привожу следующие аргументы. Во-первых, мир действительно может быть устроен иначе. Во-вторых, условия в нем будут значительно более благоприятными для процветания большинства людей. В-третьих, некоторые черты этого иного мироустройства уже существуют в текущих условиях. И наконец, существуют способы заменить эти текущие условия другими, новыми. Антикапитализм возможен не только как моральная позиция в отношении бед и несправедливостей нашего мира, но и как практический взгляд на создание альтернативных условий, более благоприятных для человеческого процветания.

Четыре типа антикапитализма

Капитализм возвращает антикапиталистов. В определенное время и в определенном месте сопротивление капитализму кристаллизуется в когерентных идеологиях, содержащих систематическую диагностику источников бед и четкие руководства по их устранению. В других же условиях антикапиталистические взгляды неявно присутствуют в мотивации, которая, на первый взгляд, слабо соотносится с капиталистическим строем. Это характерно, к примеру, для религиозных взглядов, под влиянием которых люди отвергают современность и ищут спасения в изолированных сообществах. Но всегда, где бы ни существовал капитализм, он сопряжен с недовольством и сопротивлением в тех или иных формах.

История знает четыре типа сопротивления капитализму, каждый из которых руководствуется своей особой логикой. Это *свержение* капитализма (*smashing capitalism*), *укрощение* капитализма (*taming capitalism*), *бегство* от капитализма (*escaping capitalism*) и *разрушение* капитализма изнутри (*eroding capitalism*). Они могут сосуществовать или комбинироваться друг с другом, но каждый из них представляет собой особую реакцию на вред, причиняемый капитализмом. Эти четыре типа антикапиталистических взглядов можно рассматривать в двух измерениях. Первое из них — *цель стратегий* (*goal of strategies*), являющихся реакцией на вред от капитализма: стратегия может быть направлена как на преодоление капиталистических структур, так и на нейтрализацию худших из капиталистических зол. Второе измерение — *главная задача стратегии* (*primary target of the strategy*): в этой связи стратегии могут рассматривать государство как инструмент и иметь своим объектом макроуровень системы либо же быть нацеленными на микроуровень и сосредоточиваться на экономической деятельности индивидов, организаций и сообществ. В соответствии с этими измерениями мы получаем приведенную ниже типологию:

Четыре типа антикапиталистических стратегий

		Цель стратегий	
		Нейтрализация вреда	Преодоление структур
Главная задача стратегии	Макро- политическая	<i>Укрощение капитализма</i>	<i>Свержение капитализма</i>
	Микро- социальная	<i>Бегство от капитализма</i>	<i>Разрушение капитализма изнутри</i>

Свержение капитализма

Учитывая, как много жизней ломает капитализм и какой огромной властью обладают правящие классы и элиты, стремящиеся защитить свои интересы и выгодное им положение вещей, легко понять, насколько привлекательно может выглядеть идея свержения капитализма. Странники этой идеи используют следующую аргументацию.

Система прогнила насквозь. Любые усилия сделать жизнь в ней более терпимой так или иначе тщетны. Время от времени можно осуществлять небольшие реформы для улучшения жизни, но только тогда, когда позиции сторонников народа достаточно сильны. Кроме того, такое улучшение условий всегда будет временным, уязвимым для критики и обратимым. В конечном счете, это иллюзия, что капитализм может когда-нибудь стать милостивым к народу общественным строем, при котором народ будет процветать и жить полноценно. Капитализм неререформируем по своей сути. Единственная надежда состоит в том, чтобы свергнуть его, смести обломки и построить нечто альтернативное. Как сказано в последних строках песни “Солидарность вовеки” (Solidarity Forever): “Мы сможем создать новый мир на пепелище старого” (We can bring to birth a new world from the ashes of the old).

Однако как этого достичь? Каким образом антикапиталистические силы могут сосредоточить в своих руках достаточно власти, чтобы уничтожить капитализм и заменить его альтернативным строем? Эта задача кажется поистине безнадежной, поскольку власть доминирующих классов, которая делает реформы иллюзорными, одновременно блокирует любые усилия, направленные на революционный прорыв. Революционные антикапиталистические теории, вдохновленные работами Маркса, развивавшиеся Лениным, Грамши и другими, предлагают привлекательный аргумент в этой связи.

Пускай большую часть времени капитализм кажется неприступным, одновременно он представляет собой противоречивую систему, склонную к сбоям и кризисам. Иногда такие кризисы достигают такой глубины, что система становится хрупкой и уязвимой перед брошенными ей вызовами. Самые сильные теории предполагают существование скрытых тенденций в

“законах движения” капитализма, которые со временем приводят к ослабляющим систему кризисам и, в конечном счете, делают эту систему нежизнеспособной. Капитализм сам ликвидирует условия своего существования. Но даже в случаях, когда тенденции к возникновению и предельному углублению кризисной ситуации нет, можно предположить периодические глубокие экономические кризисы капиталистической системы, во время которых система становится уязвимой, и прорыв становится возможен. Такие кризисы создают контекст, в котором революционная партия может повести за собой мобилизованные массы, чтобы захватить государственную власть либо посредством выборов, либо путем насильственного свержения существующего режима. Как только государственная власть захвачена, первоочередной задачей становится преобразование самого государства с тем, чтобы оно стало подходящим оружием прорывной трансформации, а затем государственная власть может быть использована для подавления оппозиции некогда правящих классов и их союзников, демонтажа базисных капиталистических структур, и создания институтов, необходимых альтернативной экономической системе.

В XX веке разнообразные версии этого набора доводов будоражили воображение революционеров по всему миру. Революционный марксизм вдохновлял на борьбу благодаря оптимизму и надеждам, в него заложенным: он не только резко осуждал существующее положение дел, но и предлагал правдоподобный сценарий строительства освободительной альтернативы. Это внушало людям смелость и поддерживало веру в то, что они движут историей, что непоколебимая верность идеалам и жертвы, к которым их призывали ради борьбы с капитализмом, не пропадут втуне и приведут к успеху. И случалось, хоть и нечасто, что такая борьба действительно приводила к революционному захвату государственной власти.

Однако ни разу в результате такого революционного захвата власти не удавалось построить поистине демократическую, эгалитарную и эмансипирующую альтернативу капиталистическому строю. Хотя революции во имя социализма и коммунизма демонстрировали возможность “создания нового мира на пепелище старого” и некоторым образом им все же удавалось улучшить материальные условия жизни большинства граждан на некоторое время, опыт героических прорывов XX века свидетельствует о том, что они не привели к созданию нового мира, предполагаемого идеологами революции. Одно дело сжечь дотла старые институты, и совсем другое — построить новые эмансипирующие институты на пепелище.

Причины, по которым революции XX века не приводили к здоровой и воспроизводимой эмансипации, остаются, безусловно, предметом горячих споров. Одни считают, что всему виной особые неблагоприятные исторические обстоятельства, в которых совершались попытки системных революций. Такие революции происходили в экономически отсталых обществах, окруженных могущественными врагами. Другие считают, что всему виной стратегические ошибки революционных лидеров. Есть также точки зрения, ставящие под сомнение мотивы лидеров: те, кто добивался революционного триумфа, были движимы скорее жаждой высокого статуса и власти, а не стремлением дать массам власть и благосостояние. Есть и такое мнение: любые попытки радикальной смены общественного строя обречены на провал по определению. Слишком много деталей, система слишком сложна, а

спектр непредвиденных последствий слишком широк. В результате попытки системных революций неминуемо приводят к такому хаосу, что революционные элиты независимо от своих собственных мотивов будут вынуждены прибегать к масштабному насилию и репрессиям для поддержания общественного порядка. Такое насилие, в свою очередь, нивелирует саму возможность запуска истинно демократического процесса создания нового общества, построенного на всеобщем участии.

Независимо от того, какие из этих аргументов верны (если вообще верен хоть какой-то из них), опыт революционных трагедий XX века показал, что свержение капитализма не является стратегией, ведущей к социальной эмансипации. Тем не менее, идеи революционного разрушения капиталистического фундамента не изжили себя полностью. Даже несмотря на то, что идея свержения капитализма не созвучна стратегии какой-либо значимой политической силы, она отображает фрустрацию и гнев, вызванные жизнью в мире острого социального неравенства и нереализованного стремления к гуманистическому процветанию, в условиях политической системы, которая кажется все более недемократичной и безучастной. Но если действительно необходимо трансформировать капиталистический строй, видения, сформулированного под влиянием гнева, недостаточно. Необходима логичная стратегия, которая имеет шансы быть воплощенной на практике.

Укрощение капитализма

Главной альтернативой свержению капитализма в XX веке была идея укрощения капитализма. Это центральная идея антикапиталистических течений в левых и социал-демократических партиях, а также неревolutionных социалистических партиях. Аргументы в ее пользу таковы:

Ничем не сдерживаемый капитализм наносит огромный вред обществу. Он способствует усугублению неравенства настолько, что делает невозможной общественную сплоченность. Он уничтожает традиционные способы заработка и оставляет людей наедине с их потребностями. Он способствует неуверенности и возрастанию рисков в жизни индивидов и даже целых сообществ. Он вредит окружающей среде. Все перечисленное — последствия внутренней динамики, присущей капиталистической экономике. Тем не менее, возможно создание институтов, способных существенно нейтрализовать упомянутый вред. Капитализм не требует полного освобождения от какого-либо контроля. Укротить его можно посредством тщательно разработанной государственной политики. Наверняка этот процесс будет сопровождаться ожесточенными конфликтами, так как направлен на ограничение автономии и полномочий капиталистического класса, но при этом не гарантирует успешного разрешения таких конфликтов. Капиталистический класс и его политические союзники неизменно заявляют, что регуляторная и перераспределительная политика, направленная на нейтрализацию “якобы” вреда от капитализма, в конечном счете затормозит его динамику, навредит конкуренции и подорвет систему поощрений. Однако такие аргументы остаются всего лишь рационализациями, посредством которых капиталисты объясняют самим себе необходимость присвоения привилегий и полномочий.

Укрощение капитализма не влияет на присущую ему склонность наносить вред обществу — идея состоит в том, чтобы снижать вред от него. В ка-

честве аналогии можно привести лекарство, которое эффективно справляется с симптомами болезни, но не с глубинными ее причинами. Иногда этого вполне достаточно. Родители новорожденных детей часто не высыпаются и страдают от головных болей. Можно решить эту проблему, выпив аспирина. Другое решение — избавиться от младенца. Иногда нейтрализация симптомов работает лучше, чем избавление от глубинных причин.

В период, часто именуемый “Золотым веком капитализма”, то есть в течение приблизительно тридцати лет после Второй мировой войны, социал-демократическая политика, особенно в тех странах, где она воплощалась наиболее жестко, привела к неплохим результатам в плане гуманизации экономической системы. В частности, наиболее эффективно снижали вред от капитализма три кластера государственной политики, а именно:

1. Некоторые из наиболее серьезных рисков, с которыми люди сталкиваются в жизни — особенно в сфере здравоохранения, занятости и дохода — были снижены благодаря достаточно развитой, востребованной и финансируемой обществом системе социального страхования.
2. Государство взяло на себя ответственность за предоставление широкого спектра общественных благ, оплаченных посредством сложной системы относительно высокого налогообложения. Среди таких общественных благ — бесплатное начальное и высшее образование, формирование навыков в соответствии с выбранной профессией, общественный транспорт, культура, рекреационная инфраструктура, развитие науки и техники, макроэкономическая стабильность.
3. Государство также выстроило регуляторный механизм, позволяющий справиться с наиболее серьезными негативными последствиями поведения участников капиталистического рынка: загрязнением окружающей среды, несчастными случаями на производстве, опасными товарами и услугами, хищнической рыночной политикой и т. п.

Вследствие такой политики экономика не перестала быть капиталистической: капиталисты все так же оставляли за собой свободу распределять капитал, руководствуясь сулящими выгоду возможностями рынка, кроме того, они присваивали себе принесенную инвестициями прибыль и, за вычетом налогов, могли использовать ее как пожелают. Изменилось вот что: государство взяло на себя обязанность облегчать последствия трех принципиальных изъянов капиталистического рынка — это уязвимость индивидов перед рисками, недостаток общественных благ и негативные последствия частной экономической деятельности по принципу максимальной выгоды. В результате капитализм приобрел вид достаточно хорошо функционирующей системы с менее выраженными неравенством и конфликтами. Капиталистам это могло быть невыгодно, но такая система работала достаточно неплохо. Капитализм был укрощен, по крайней мере, отчасти.

Таким был Золотой век. В первые десятилетия XXI века мир выглядит совершенно иначе. Повсюду, даже в североевропейских странах — оплоте социал-демократии, зазвучали предложения отменить “субсидии”, касающиеся социального страхования, налогообложения и предоставления субсидированных общественных благ, а также упразднить регулирование многих аспектов капиталистического производства и рынков, приватизировать значительную долю государственных услуг. В целом такие трансформации предлагаются под эгидой так называемого неолиберализма. Многие факто-

ры повлияли на готовность и очевидную способность государства нейтрализовать причиняемый капитализмом вред. Глобализация капитализма значительно облегчила для капиталистических фирм процесс перевода инвестиций в те части мира, где их деятельность регулируется слабее, а рабочая сила обходится дешевле. Угроза такого движения капитала, в сочетании с технологическими и демографическими изменениями, расколола и ослабила рабочее движение, сделав его менее способным к сопротивлению и политической мобилизации. Одновременно с глобализацией финансовализация капитала привела к серьезному увеличению богатства и усилению неравенства доходов, что, в свою очередь, предоставило политические рычаги оппонентам социал-демократического государства как такового. В результате капитализм не был укрощен; он был спущен с цепи.

Возможно, те три, приблизительно, десятилетия Золотого века были просто исторической аномалией, кратким периодом, когда благоприятные структурные условия и осязаемая власть в руках народа создали возможность для строительства относительно эгалитарной социал-демократической модели. До того капитализм был хищнической системой, и во времена неолиберализма он вновь стал хищническим, вернув общество к привычному для капиталистических систем положению дел. Возможно, капитализм неукротим в долгосрочной перспективе. Сторонники идеи революционного прорыва всегда утверждали, что укрощение капитализма — это иллюзия, уход от создания политического движения, нацеленного на свержение капитализма.

Однако все, быть может, не настолько безнадежно. Утверждение, что глобализация налагает серьезные ограничения на способность государства собирать налоги, регулировать капитализм и перераспределять прибыль, имеет политическое влияние лишь потому, что люди принимают его на веру, а не потому, что эти ограничения действительно настолько жесткие. В политике ограничения всегда создаются отчасти самой верой в эти ограничения. Неолиберализм — это скорее идеология, питаемая и поддерживаемая могущественными политическими силами, а не четко научное обоснование действительных ограничений, с которыми мы сталкиваемся в попытках сделать мир лучшим местом для жизни. И хотя некоторые политические инициативы, из которых состояла социал-демократическая повестка в период Золотого века, вероятно, утратили эффективность и требуют пересмотра, укрощение капитализма остается жизнеспособной антикапиталистической идеей.

Бегство от капитализма

Одной из ранних форм реагирования на давление капитализма было бегство. Пускай бегство от капитализма и не выкристаллизовалось в систематическую антикапиталистическую идеологию, но, тем не менее, оно логически последовательно:

Капитализм слишком могущественная система, которую невозможно уничтожить. Истинное укрощение капитализма потребует нереалистичного по продолжительности и интенсивности приложения усилий, и, как бы там ни было, система в целом слишком огромна и сложна, чтобы эффективно ее контролировать. Сильные мира сего слишком могущественны, чтобы лишить их власти, и они всегда будут иметь возможность кооптировать оп-

позицию и защитить свои привилегии. Невозможно бороться с городским советом. Есть французская поговорка: “Le plus ça change le plus c’est le plus vite” — “Чем больше все меняется, тем больше остается все тем же”. Лучшее, что можно себе позволить, — это самоизолироваться от пагубного влияния капитализма и, возможно, укрыться от его разрушительного воздействия в некоей защищенной среде. Пусть мы не можем изменить мир в целом, но мы можем вырваться из его сетей, избежать подавления и создать свою микроальтернативу, в которой сможем жить и процветать.

Импульс к бегству отразился во многих уже привычных реакциях на капиталистические беды. Фермерское движение на Западе Соединенных Штатов в XIX веке вдохновило многих к созданию стабильных замкнутых фермерских хозяйств в противовес производству для рынка. Идея бегства от капитализма заложена в слогане хиппи 1960-х: “врубись, настройся, линияй” (“turn on, tune in, drop out”). Усилия некоторых религиозных сообществ, как, например, амиши (Amish), были направлены на возведение мощных барьеров между собой и остальным обществом и состояли в том, чтобы максимально оградить себя от давления рынка. Определение семьи как “тихой гавани посреди бессердечного мира” выражает идеализированное видение семьи как неконкурентной социальной среды, где взаимность и забота становятся убежищем от беспощадного мира капитализма, пронизанного конкуренцией. Бегство от капитализма, хотя и ограниченное во времени, находит выражение и в дальних походах по необитаемым территориям.

Бегство от капитализма чаще всего значит избегание политической вовлеченности и, конечно, коллективных усилий по изменению мира в целом. В наше время бегство (эскапизм) обычно является индивидуалистской жизненной стратегией. И иногда это индивидуалистская стратегия, зависящая от капиталистических богатств, как в случае стереотипного банкира с Уолл Стрит, который решает “бросить эти крысиные бега”, переезжает в глушь, чтобы добровольно предаться прелестям простой жизни, и все это на прибыль от трастового фонда, работающего на капиталистических инвестициях.

Из-за отсутствия политической составляющей бегство от капитализма можно запросто не учесть как разновидность антикапиталистической идеи, особенно когда оно осуществляется за счет привилегий, полученных благодаря капитализму как таковому. Перелеты в отдаленные уголки земного шара и дальние походы с дорогостоящим снаряжением сложно назвать сколько-нибудь последовательным выражением оппозиции капитализму. Однако существуют примеры бегства от капитализма, действительно являющиеся попыткой решить проблему капитализма в более широком смысле. Намеренно созданные сообщества могут руководствоваться стремлением избежать давления капитализма, но иногда они также могут послужить моделями коллективистского, более эгалитарного и демократичного образа жизни. Конечно, кооперативы, создание которых может быть мотивировано в основном стремлением избежать авторитарной атмосферы на рабочем месте и эксплуатации капиталистическими фирмами, могут стать частью большей системы, способной бросить вызов капитализму. Движение “Сделай сам” (“Do It Yourself”) и так называемая экономика обмена могут возникать в условиях стагнации индивидуального дохода в периоды всеобщей строгой экономии, но они также могут проложить дорогу к новым способам организации экономической деятельности, менее зависимой от рынка. И, в

более общем смысле, добровольная простота жизни может внести вклад в борьбу с консюмеризмом и чрезмерной озабоченностью экономическим ростом в условиях капитализма.

Разрушение капитализма изнутри

Четвертый тип антикапиталистических идей встречается значительно реже остальных. Опирается он на следующие доводы.

Все социально-экономические системы представляют собой сложный набор множества разнообразных экономических формаций, отношений и видов деятельности. Ни одна экономическая система из существующих ныне или существовавших ранее не является чисто капиталистической. Капитализм как способ организации экономической деятельности включает три ключевых компонента: право частной собственности на капитал, производство для сбыта на рынке и получения прибыли, наем исполнителей, не владеющих средствами производства. Существующие экономические системы сочетают капитализм с целым рядом форм организации производства и распределения товаров и услуг: непосредственно государством; внутри семей и исходя из потребностей членов семьи; через локальные сети и организации, работающие с локальными сообществами; через кооперативы, находящиеся в собственности их членов и управляемые демократически; через общественные организации, ориентированные на рынок; по принципу “равный равному” внутри сетей, члены которых заняты в совместных производственных процессах; а также множество других. Некоторые из этих форм организации экономической деятельности можно считать гибридными, сочетающими капиталистические и некапиталистические элементы. Некоторые — вовсе некапиталистические. Некоторые — антикапиталистические. Такие системы мы называем капиталистическими в тех случаях, когда капитализм является определяющим для экономических условий жизни и средств к существованию большинства людей. Такое доминирование капитализма фундаментально деструктивно. Один из способов бросить вызов капитализму — это построить более демократические, эгалитарные, основанные на участии экономические отношения в тех трещинах и брешах этой системы, в которых только возможно, и бороться за расширение таких пространств и защищать их.

Идея разрушения капитализма изнутри содержит предположение, что у этих альтернатив есть потенциал в долгосрочной перспективе расширяться настолько, что капитализм утратит доминирующие позиции. Аналогия с природной экосистемой могла бы послужить наглядным материалом для объяснения этой идеи. Возьмем озеро. Озеро — это масса воды в углублении ландшафта с определенной почвой, рельефом, водными ресурсами и климатом. В воде обитает какое-то количество видов рыб и других существ, в ней и вокруг нее растут разнообразные растения. Все вместе это и составляет природную экосистему озера. (Это система в том смысле, в котором все ее составляющие влияют друг на друга, но это не цельный организм, в котором все органы функционально соединены друг с другом в нечто целое и когерентное. Социальные системы в общем виде лучше представлять как экосистемы, где свободно сочлененные элементы взаимодействуют между собой, а не как организмы, где все органы имеют определенную функцию.) В такую экосистему можно привнести новый вид рыб, нехарактерный для это-

го водоема. Некоторые привнесенные виды сразу же вымрут в новой среде. Другие могут найти себе небольшую нишу в экосистеме озера, не особо повлияв на экосистему в целом. Но может случиться и так, что привнесенный вид расплодится и вытеснит доминирующий “естественный” вид. Стратегия разрушения капитализма изнутри предполагает внедрение наиболее жизнеспособных и эмансипирующих видов некапиталистической экономической деятельности в экосистему капитализма, поддержку их развития путем защиты благоприятных для них ниш и поиска возможностей для расширения их среды обитания. В конечном счете, можно надеяться, что такие привнесенные виды выйдут за рамки своих ниш и изменят характер экосистемы в целом.

Такой ход мысли о процессе выхода за рамки капитализма довольно заметно напоминает типичную стилизованную историю о переходе от докапиталистических европейских феодальных обществ к капитализму. В феодальной экономике позднего Средневековья возникали протокапиталистические отношения и практики, и особенно это было заметно в больших городах. Первоначально к ним относилась коммерческая деятельность, регулируемое гильдиями ремесленничество и банковское дело. Эти формы экономической деятельности занимали пустующие ниши и часто были довольно полезны феодальным элитам. Когда масштаб такой деятельности вырос, они постепенно приобретали все более капиталистический характер и местами становились все более разрушительными для укоренившегося феодального господства в экономике в целом. И хотя процесс этот длился несколько столетий и был крайне неравномерным, феодальная модель перестала доминировать в экономической жизни некоторых европейских стран. Феодализм был разъеден, разрушен изнутри. Пускай этот процесс и сопровождался политическими бунтами и даже революциями, но, тем не менее, эти события не подрывали экономическую структуру, а скорее ратифицировали и рационализировали изменения, которые уже произошли в социально-экономической структуре этих стран.

Стратегическое видение разрушения капитализма изнутри подобным образом рассматривает процесс вытеснения капитализма с доминирующих позиций в экономике: альтернативные некапиталистические формы экономической деятельности зарождаются в свободных нишах экономической системы, остающейся при этом капиталистической. Со временем эти формы деятельности становятся все масштабнее — как спонтанно, так и, что важно, в результате воплощения продуманной стратегии. Имеет место борьба, в которую вовлечено и государство — иногда как защитник таких ниш, иногда — как агент содействия новым возможностям. Рано или поздно такие некапиталистические отношения и формы деятельности становятся настолько заметными в жизни индивидов и сообществ, что капитализм уже перестает считаться доминирующим в системе отношений в целом.

Такое стратегическое видение присуще некоторым современным анархическим течениям. Если революционный социализм предлагает захватить государственную власть с целью свержения капитализма, а социал-демократия предлагает укрощать капитализм при помощи государственной власти, анархисты в общем случае предлагают не вовлекать государство вовсе — или даже игнорировать его — поскольку, в конечном счете, государство остается машиной подавления, а не освобождения. Единственная эманси-

пирующая альтернатива капитализму, на которую стоит надеяться, — это альтернатива, воплощающая в себе идеалы равенства, демократии и солидарности, причем выстроенная на существующем фундаменте и постоянно растущая благодаря общим усилиям.

Как стратегия разрушение капитализма изнутри одновременно и заманчиво, и трудно достижимо. Заманчиво, поскольку предполагает, что даже в государстве, чуждом стремлений к социальной справедливости и эмансипирующим социальным изменениям, многое возможно. Можно взяться за строительство нового мира, но не на пепелище старого, а в его пустотах. Трудно достижимо оно, потому что вызывает серьезные сомнения в возможности сместить капитализм с доминирующих позиций посредством аккумуляции эмансипирующих экономических ниш в капиталистической системе, особенно если учесть чрезвычайное могущество и богатство крупных финансовых корпораций и зависимость средств к существованию большинства людей от здорово функционирующего капиталистического рынка. Конечно, если когда-нибудь эмансипирующие формы экономической деятельности и отношений разрастутся до того, чтобы угрожать капитализму, они просто будут уничтожены.

Разрушение капитализма изнутри — не плод фантазий. Но это будет возможно только в сочетании с социал-демократической идеей укрощения капитализма. Наиболее важно здесь соединить идущие снизу общественно-ориентированные стратегические видения анархистов с идущей сверху государственно-ориентированной логикой социал-демократии. *Нам необходимо укрощать капитализм, чтобы сделать его более уязвимым для разрушения изнутри, и разрушать капитализм изнутри так, чтобы делать его более укротимым.* Одно из понятий, которое может помочь нам в объединении этих двух течений антикапиталистической мысли, — *реальные утопии*.

Реальные утопии

Реальная утопия — это оксюморон. Слово “утопия” (utopia) придумал Томас Мор в 1516 году, соединив в букве “и” две древнегреческие приставки, *eu* — “благо” и *ou* — “не”, и поместив ее впереди древнегреческого же слова *topos* — “место”. Получилась “утопия” — место благ, которого не существует. Это фантастический идеал. Как же он может быть “реальным”? Вполне реалистично — искать не идеал, но способ улучшить мир. На самом деле поиск идеала может навредить практической задаче по совершенствованию мира. Как говорится, “лучшее враг хорошего”. Таким образом, между реальным и утопическим присутствует внутреннее напряжение. И именно это напряжение призвана зафиксировать идея “реальной утопии”. Она состоит в том, чтобы питать наши самые сокровенные стремления к справедливому и гуманному мироустройству, которого не существует, и одновременно вовлекать нас в практическое создание альтернатив, которые смогут выжить в существующем мире и быть прообразом мира, каким он может стать. Эта идея призвана помочь нам двигаться в выбранном нами направлении. Реальные утопии переносят утопию из *нигде в здесь-и-сейчас* — туда, где мы создаем эмансипирующие альтернативные варианты мира, каким он мог бы быть, в условиях мира, каким он есть.

Четыре типа антикапиталистических стратегий

		Цель стратегий	
		Нейтрализация вреда	Преодоление структур
Главная задача стратегии	Макро- политическая	Угрождение капитализма	Свержение капитализма
	Микро- социальная	Бегство от капитализма	Разрушение капитализма изнутри

Реальные утопии могут существовать повсюду, где идеалы эмансипации воплощены в существующих институтах или предложениях по созданию новых институтов. И то, и другое — неотъемлемые составляющие пункта назначения и стратегии. Приведу несколько примеров.

Существующие институты

Рабочие кооперативы — это реальная утопия, возникшая одновременно с развитием капитализма. Три важнейших освободительных идеала — это равенство, демократия и солидарность. Все они трудно достижимы в условиях капиталистических фирм, где власть сосредоточена в руках собственников и их представителей, внутренние ресурсы и возможности распределяются по принципам, крайне далеким от равенства, а конкуренция постоянно подтачивает солидарность. В кооперативе, принадлежащем рабочим, все активы фирмы находятся в собственности всех участников кооператива, которые вовлечены в управление фирмой по демократическому принципу “один человек — один голос”. В небольшом кооперативе такое демократическое управление может осуществляться в виде общих собраний всех участников. В крупном кооперативе — рабочие выбирают совет директоров, которые управляют фирмой. Рабочие кооперативы также могут приобретать и более капиталистические черты: к примеру, они могут нанимать временных работников или проявлять негостеприимство в отношении потенциальных участников, принадлежащих к тем или иным этническим или расовым группам. Таким образом, кооперативы часто руководствуются противоречивыми ценностями. Тем не менее у них есть потенциальная способность подтачивать главенство капитализма, когда они расширяют экономическое пространство, в рамках которого могут действовать эмансипирующие принципы и идеалы. Кластеры рабочих кооперативов могут объединяться в сети. При должной общественной поддержке такие сети могут расширяться, глубже проникать в ткань рынка и образовывать кооперативный сектор рынка. Такой сектор — при благоприятных обстоятельствах — может конкурировать с капиталистической системой.

Публичные библиотеки — еще один вид реальной утопии. На первый взгляд этот пример может показаться странным. В конце концов, библиотеки — довольно старый институт, присущий всем капиталистическим обществам. В Соединенных Штатах обширная сеть публичных библиотек в значительной мере финансировалась Эндрю Карнеги — одним из хищных индустриалистов Позолоченного века. Он, конечно, не был антикапиталистом и, если уж на то пошло, рассматривал свою филантропию в отношении библиотек как способ укрепить капитализм как систему. Однако библиотеки воплощают в себе принципы доступности и распределения, являющиеся по сути своей антикапиталистическими. Обратите внимание на разительную разницу в доступности книг в книжной лавке и в библиотеке. В книжной лавке вы ищете нужную вам книгу на полке, смотрите на цену и, если можете себе позволить и достаточно заинтересованы, вы идете к кассе, отдаете необходимую сумму денег и уходите с книгой. В библиотеке вы идете к полке (или, как сейчас чаще случается, к компьютерному терминалу), проверяете, есть ли нужная вам книга, находите ее, идете к библиотекарю, показываете свой абонемент и уходите с книгой. Если книгу уже кто-то взял, вас ставят в очередь. В лавке распределение работает по принципу “каждому по способности платить”. В библиотеке работает принцип “каждому по потребностям”. Более того, в библиотеке, если есть дисбаланс между предложением и спросом, увеличивается время ожидания книги. Дефицитные книги ограничиваются по времени, а не по цене. Очередь — целиком и полностью эгалитарный инструмент: день жизни каждого ценен одинаково. Хорошо снабжаемая библиотека будет расценивать длинную очередь как сигнал к заказу большего количества экземпляров востребованной книги. Библиотеки также могут превращаться в многофункциональные общественные учреждения и быть не только хранилищем книг. Хорошие библиотеки предоставляют место для встреч, концертов и других выступлений и в целом представляют собой удобное место для собраний. Конечно, библиотеки могут становиться и эксклюзивными зонами, негостеприимными для представителей определенных групп. Они могут быть элитистскими в плане правил и распределения бюджетов. Таким образом, реально существующие библиотеки руководствуются противоречивыми ценностями. Но до тех пор пока они воплощают в себе эмансипирующие идеалы равенства, демократии и общности, они остаются реальными утопиями.

И последний пример действительно существующей реальной утопии — это новые формы децентрализованного совместного производства, возникшие в цифровую эпоху. Пожалуй, наиболее известный пример — “Википедия”. Всего за десять лет с момента создания она уничтожила трехсотлетний рынок энциклопедий. Уже невозможно произвести коммерчески целесообразную энциклопедию общего назначения. “Википедия” создается на абсолютно антикапиталистических общественных началах несколькими сотнями тысяч редакторов по всему миру, которые вносят свой вклад в глобальную свободную доступность знаний для всех. Она финансируется чем-то, что можно назвать даровой экономикой, и благодаря этому располагает необходимыми инфраструктурными ресурсами. У “Википедии” множество проблем — некоторые статьи замечательны, другие ужасны, — но это выдающийся пример сотрудничества и совместного труда огромного масштаба, притом высокопродуктивного и организованного на антикапиталистичес-

ких принципах. Таких примеров в цифровой сфере множество. Если представить, что такой подход может применяться в производстве товаров, а не только информации, то можно будет представить и децентрализованное совместное производство, способное подточить фундамент капитализма.

Предложения

Реальные утопии также могут существовать в форме предложений/проектов, касающихся общественных преобразований и государственной политики, а не только существующих институтов. В этом состоит важная роль реальных утопий в рамках долгосрочных политических стратегий по достижению социальной справедливости и эмансипации людей. Два таких примера — безусловный базовый доход и журналистика, финансируемая налогообложением с целью создания демократической системы массовой информации.

Безусловный базовый доход (unconditional basic income) значит, что каждый человек безусловно получает какой-то доход, который покрывает базовые человеческие потребности. Он поможет позволить скромную, культурно приемлемую жизнь без излишеств. Он также может помочь решить проблему голода среди малоимущих, причем таким образом, чтобы заложить фундамент эмансипирующей альтернативы. Безусловный базовый доход непосредственно элиминирует одну из бед капитализма — бедность в условиях изобилия. Но, кроме того, он может быть вкладом в потенциальный успех разрушения капитализма изнутри в долгосрочной перспективе, перенаправив ресурсы на некапиталистические формы экономической деятельности. Представьте, как базовый доход повлияет на рабочие кооперативы. Одна из причин уязвимости рабочих кооперативов — необходимость генерировать достаточную прибыль, чтобы покрывать материальные издержки на производство, а также обеспечивать базовым доходом своих участников. Если базовый доход гарантируется независимо от рыночного успеха кооператива, рабочие кооперативы могут стать более здоровыми предприятиями. Это будет значить, что банковские займы для них будут сопряжены с меньшими рисками. Таким образом, по иронии судьбы, безусловный базовый доход поможет решить проблему кредитного рынка для кооперативов. Он также поспособствует массовому приливу участников в децентрализованное совместное производство и множество других продуктивных видов деятельности, которые не приносят рыночного дохода своим участникам.

Финансируемая из налогов журналистика может стать одним из способов решить проблему, возникающую в демократических обществах в условиях капитализма: доминирование на рынке СМИ крупных капиталистических корпораций. Демократия требует живых, высококачественных средств массовой информации, действующих автономно от очагов власти. Система СМИ, в которой преобладают капиталистические корпоративные СМИ, противоречит этому требованию. Роберт МакЧесни (Robert McChesney) выдвинул идею предоставить каждому налогоплательщику годовой ваучер, который может быть использован только для неприбыльных организаций в сфере новостной журналистики. Необходимо разработать ряд критериев для сертификации таких организаций, претендующих на финансирование по ваучерам налогоплательщиков. Тут важнее всего, чтобы организация действовала на общественных началах и действительно произво-

дила новости, но могут быть разработаны и другие критерии. Такая система получила бы преимущество в финансировании перед организациями, финансируемыми непосредственно государством, потому что была бы независимой от государства. Такое предложение могло бы снять с государства обязанность финансировать демократические медиа, но при этом дало бы гражданам возможность взять на себя ответственность предоставлять средства разнообразным организациям на принципах равенства. Это помогло бы создать действительно демократические СМИ, способные эффективно конкурировать с корпоративными медиа.

* * *

Так как же быть антикапиталистом в XXI веке? Необходимо отказаться от мечты свергнуть капитализм. Капитализм свергнуть невозможно — по крайней мере, если ваша цель построить свободное гуманное будущее. Вы можете лично избежать участия в капиталистической системе, выйдя из игры и минимизировав свое присутствие в денежной экономике и на рынке, но вряд ли такой выход покажется привлекательным большинству людей — особенно тем, у кого есть дети, и, конечно, такой подход имеет мало общего с поддержкой эмансипации как общественного процесса. Если вас волнуют жизни других людей, вам так или иначе придется иметь дело с капиталистическими структурами и институтами. Укрощение капитализма и разрушение его изнутри — единственные жизнеспособные альтернативы. Вам необходимо участвовать и в политических движениях, ведущих к укрощению капитализма посредством государственной политики, и в социально-экономических проектах по разрушению капитализма путем расширения эмансипирующих форм экономической деятельности. Нам необходимо возрождение энергичной и прогрессивной социал-демократии, чтобы нейтрализовать вред от капитализма и способствовать инициативам, направленным на строительство реальных утопий, обладающих потенциалом для разъедания фундамента, на котором держится капиталистическое господство.

*Перевод с английского ЕЛЕНЬ СИМОНЧУК,
кандидата социологических наук,
старшего научного сотрудника отдела социальных структур
Института социологии НАН Украины*